

А.Г.Большаков

ПОСТКОНФЛИКТНАЯ ГРУЗИЯ: ОТ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ГОСУДАРСТВА К МОДЕРНИЗИРОВАННОЙ ПОЛИТИИ?

Августовский вооруженный конфликт 2008 г. надолго определил повестку дня для всего российского информационного пространства. Освещение «пятидневной войны» на Южном Кавказе с трудом было вытеснено новостями о мировом финансовом кризисе и экономической рецессии, которые уже давно влияют на ситуацию в РФ. Стремясь закрепить на политическом и дипломатическом поле военную победу, российский правящий класс пустил в ход практически все медийные ресурсы государства.

Телевизионные и газетные репортажи, быстро отснятые документальные фильмы, комментарии экспертов призваны прежде всего представить в положительном свете действия российской стороны. Политическая элита России ведет «информационную войну», которой на самом деле не существует — ведь информационные поля мировых и российских массмедиа мало пересекаются и медийные продукты отечественных СМИ рассчитаны исключительно на граждан России и постсоветского пространства.

Российские эксперты интерпретируют итоги августовского вооруженного конфликта на территории Грузии, анализируют последствия одностороннего признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, строят прогнозы по поводу развития кавказского региона и отношений РФ с западными странами¹. Тем не менее складывается впечатление, что время глубокого научного анализа ситуации на Южном Кавказе еще не пришло, ибо такой анализ предполагает детальное и объективное исследование перспектив послевоенного развития не только Абхазии, Южной Осетии и поддерживающей их России, но и другой стороны конфликта — Грузии.

Вопрос о том, кто несет ответственность за августовские события, находящийся в центре публицистических дискуссий между зарубежными и российскими политиками, общественными деятелями, журналистами, с аналитической точки зрения вообще не заслуживает внимания. Грузино-осетинское противостояние имеет давние корни и уже не раз перерастало в вооруженное противоборство, в ходе которого обе стороны неоднократно совершали неправомерные, антигуманные действия, в том числе и направленные против мирного населения.

На сегодняшний день можно констатировать, что, будучи элементом постсоветского пространства, Грузия уже фактически вышла из

¹ *Грузинская военная авантюра 2008; Третий Крым 2008 и др.*

СНГ (ввиду чрезвычайно громоздкой процедуры прекращения членства в этой организации de jure это произойдет летом 2009 г.). Российская Федерация после предпринятых ею в августе 2008 г. военных и дипломатических шагов окончательно превратилась из посредника в конфликте в одну из его сторон. При этом сам конфликт, получив определенное политическое урегулирование, далеко не исчерпан. Грузия при поддержке международного сообщества продолжает настаивать на восстановлении своей территориальной целостности, тогда как Абхазия и Южная Осетия, получившие признание одного из постоянных членов Совета Безопасности ООН, обладающего значительным военным потенциалом, не собираются отказываться от претензий на суверенитет. Вероятность окончательного разрешения этого конфликта в обозримом будущем крайне невелика, что неизбежно отразится на развитии каждого из августовских конфликтантов.

Настоящая статья посвящена анализу процессов, развертывающихся в современной Грузии, и возможных сценариев ее дальнейшего развития. В своем исследовании я опираюсь на концепцию несостоявшихся государств, к которым принято причислять и эту бывшую советскую республику.

**Несостоявшиеся
посткоммунистические
государства**

² *Failed State Index 2005.*

Под несостоявшимися государствами обычно понимают политии, правительство которых «не имеет эффективного контроля над собственной территорией, не рассматривается как легитимное значительной частью населения страны, не обеспечивает внутреннюю безопасность или базовые права граждан, не обладает монополией на использование силы»². Но не менее важным, на мой взгляд, показателем «несостоятельности» является неэффективность экономики, ее неспособность обеспечить устойчивый рост производства и доходов граждан, социальную защищенность, искоренение бедности и коррупции.

³ *Кулиев 2007: 17.*

Исходя из перечисленных критериев, к несостоявшимся можно отнести девять посткоммунистических государств: Азербайджан, Албанию, Армению, Боснию и Герцеговину, Грузию, Киргизию, Македонию, Молдавию и Таджикистан. Понятно, что степень и формы «несостоятельности» данных государств отнюдь не одинаковы. Так, Азербайджан, правительство которого не контролирует 13% территории страны и не признается легитимным армянской общиной Нагорного Карабаха, вместе с тем достаточно динамично развивается в экономическом плане (прирост валового продукта там достигает 36—40% в год, правда, за счет экспорта нефти), решает многие социальные проблемы, успешно искореняет бедность, а его военный бюджет превосходит весь бюджет Армении³. В связи с этим некоторые эксперты даже ставят под сомнение правомерность квалификации этого государства как несостоявшегося.

«Несостоятельность» Армении, Киргизии и Таджикистана проявляется прежде всего в том, что они все еще не могут сами обеспечить

собственную внешнеполитическую безопасность, полагаясь в этом отношении на Россию, ее вооруженные силы и структуры ОДКБ. В свою очередь, такие страны, как Албания и Молдавия, «не состоялись» экономически. Кроме того, Молдавия лишь номинально контролирует часть своей территории (Приднестровье), тем самым оказываясь еще менее «состоявшейся», чем Македония, которая сумела погасить межэтнический македоно-албанский конфликт и, вступив в НАТО, обеспечила свою военно-политическую безопасность. Но в наиболее тяжелом положении находится конфедерация Боснии и Герцеговины, которая до сих пор остается искусственным политическим образованием, неспособным самостоятельно решить проблему внутренней и внешней безопасности⁴.

⁴ Pugh 2008: 243.

Что касается Грузии, то она попадает в когорту несостоявшихся государств сразу по нескольким параметрам. Прежде всего речь идет об отсутствии эффективного контроля над своей территорией, низком уровне экономического развития и неспособности армии обеспечить безопасность страны. Правда, после «революции роз» 2003 г. президенту М.Саакашвили и его команде удалось справиться с аджарским и западногрузинским сепаратизмом, договориться с РФ о выводе ее военных баз, а также несколько усилить эффективность вооруженных сил. Но полное внутреннее единство (в плане национальной идентичности) Грузия обрела только в ходе августовского конфликта 2008 г., *de facto* приведшего к полной потере сепаратистских территорий.

Одной из важнейших причин, не позволивших «состояться» грузинскому государству, были острые противоречия внутри политической элиты. Начиная с периода перестройки грузинская элита распалась на два основных сегмента. Первый сегмент составляла коммунистическая номенклатура, исповедовавшая ценности «национального возрождения», вторую — бывшие диссиденты, главным образом представители творческих профессий, преследовавшиеся властями Грузии в советскую эпоху. «Коммунистический» и «диссидентский» сегменты грузинской элиты сменяли друг друга у власти исключительно силовыми методами.

В 2003 г. в результате «революции роз» на доминирующие позиции в стране выдвинулось новое поколение политической элиты, полностью ориентирующееся на Запад. Грузинская элита стала гораздо более однородной по своему «качественному» составу. Соперничество между «коммунистами» и «диссидентами» ушло в прошлое. Решающее значение во внутриэлитной конкуренции приобрели не столько идеологические, сколько политико-экономические противоречия. Вместе с тем обновленная элита унаследовала от своих предшественников комплекс «малой империи», что не позволило ей добиться решающего перелома в отношениях с абхазским и южноосетинским руководством.

В настоящее время все сегменты грузинской политической элиты сходятся в оценке августовских событий 2008 г., все они стремятся к скорейшему вступлению страны в НАТО и Европейский Союз, для всех характерна проамериканская ориентация. Пророссийских политических

сил в современной Грузии просто нет. Тем не менее в грузинской элите существуют многочисленные разногласия, прежде всего по внутриполитическим вопросам. Оппозиция требует демократизации общественной жизни и повышения эффективности управления, критикует «режим М.Саакашвили» за отсутствие адекватной системы взаимодействия между различными ветвями власти, возлагает на него ответственность за действия, которые привели к военному противостоянию с Россией и потере «Цхинвальского района» и Абхазии. Саакашвили обвиняют в «незаконном приходе к власти» и «фальсификации результатов выборов». Отсутствует согласие и по проблеме восстановления полноценных отношений с Россией.

Можно предположить, что требования досрочной отставки М.Саакашвили, в том числе и в сегментах правящей элиты, будут нарастать, а поиск альтернативной фигуры, которая объединит всех недовольных, не потребует значительного времени. В качестве наиболее вероятных «кандидатов» на эту роль сейчас рассматривают активную соратницу действующего президента по «революции роз» Н.Бурджанадзе и бывшего постпреда Грузии при ООН И.Аласания. Обещание Саакашвили не выставлять свою кандидатуру на следующих президентских выборах (что было бы прямым нарушением конституции) не умиротворило оппозицию. Не дал ожидаемого эффекта и нестандартный шаг возглавляемой им правящей партии «Единое национальное движение», предложившей направить часть средств, выделяемых ей из государственного бюджета, на поддержку оппозиционных партий, гражданского сектора и неправительственных организаций.

**Международно-
правовые
аспекты
августовского
конфликта**

Как известно, после распада СССР на его территории возникло 15 новых государств, хотя претендентов на эту роль было значительно больше. С требованиями полного или ограниченного суверенитета выступали, в частности, Абхазия, Башкирия, Гагаузия, Карабах, Приднестровье, Татария, Тува, Чечено-Ингушетия и Южная Осетия. Чтобы как-то упорядочить процесс суверенизации и прекратить процесс дробления государства с ядерным потенциалом, международное сообщество признало субъектами международного права только 15 бывших союзных республик, сделав их административные границы государственными.

С точки зрения региональной безопасности и мировой стабильности у такого решения, несмотря на его заведомо дискриминационный характер, вероятно, не было альтернативы. Поиски «исторической правды» грозили затянуть территориальные споры на многие десятилетия, тем более что «этнических историй», как правило, имелось несколько. Международно-правовой подход к проблеме не избавил постсоветское пространство от сепаратизма и вооруженных конфликтов, но он был и остается, всей видимости, единственно возможным.

На территории постсоветской Грузии образовалось сразу несколько сепаратистских территорий и зон этнической напряженности.

Особенно острая ситуация сложилась в Абхазии и Южной Осетии, где этническое противостояние переросло в кровопролитные войны. Благодаря вооруженному посредничеству России, которая, несмотря на явную поддержку российским общественным мнением абхазского и осетинского народов, на официальном уровне признавала территориальную целостность Грузии⁵, эти конфликты были «заморожены», однако добиться окончательного их урегулирования так и не удалось.

⁵ Очевидно, что такая позиция Москвы не в последнюю очередь была связана с тем, что на территории РФ тоже имелись сепаратистские анклавы и очаги вооруженных этнических конфликтов.

Одна из причин такого развития событий крылась в противоречии между двумя принципами, на которых мог строиться процесс урегулирования: принципом «самоопределения народов», узаконенным резолюцией ООН от 14 декабря 1960 г., и принципом «территориальной целостности государств», зафиксированным, в частности, в Хельсинкской декларации 1975 г. Если грузинские дипломаты настаивали на примате принципа территориальной целостности, то абхазские и южноосетинские политики ссылались на право народов на самоопределение.

Отсутствие взаимоприемлемых миротворческих планов завело переговоры в тупик. В частности, был отвергнут проект федеративного устройства Грузии, позволявший перевести существующие территориальные, этнические, культурные, языковые и прочие проблемы в качественно иной формат и создать новые рамки отношений между народами. В этих условиях «размораживание» конфликтов в Абхазии и Южной Осетии было вполне предсказуемым.

Признание Российской Федерацией независимости Абхазии и Южной Осетии создало прецедент силового пересмотра границ в новых независимых государствах. Каким образом это отразится на ситуации на Южном Кавказе (и постсоветском пространстве в целом), покажет время. Однако, судя по всему, грузины, абхазы и осетины уже вряд ли смогут сосуществовать в рамках одного государства.

Постконфликтное восстановление как шанс модернизации Грузии

Постконфликтное восстановление в широком смысле подразумевает приспособление территории и ее жителей к новым экономическим, политическим, социокультурным и психологическим условиям жизни и включает в себя совокупность действий, необходимых для «перезапуска» процесса социально-экономического развития, прерванного военными действиями⁶. Важной составляющей такого восстановления являются меры, призванные не допустить рецидивов вооруженной конфронтации. Как показывает опыт посткоммунистических стран, для установления прочного мира требуются комплексные усилия, направленные на преодоление факторов, ставших или способных стать причиной конфликта⁷. Чтобы эти усилия принесли плоды, в постконфликтном восстановлении должны активно участвовать не только политические элиты, дипломаты и военные, но и сами граждане⁸.

⁶ Баракат 1998: 12.

⁷ Подробнее см. Hill 1996.

⁸ Hurtic, Sapcanin, Woodward 2000: 343.

На мой взгляд, потеря двух сепаратистских территорий, которые практически не подчинялись центральному правительству, скорее всего, позитивно скажется на развитии страны. В самой Грузии это пока

⁹ [http://
news.liga.net/news/
N0849193.html](http://news.liga.net/news/N0849193.html).

плохо понимают, что, впрочем, не удивительно, ведь «освобождение» от проблемных территорий было достигнуто страшной ценой. И речь здесь не только об убитых и раненых с обеих сторон. По данным Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, в ходе августовского конфликта из родных мест бежали 192 тыс. человек: 127 тыс. — в другие регионы Грузии, 65 тыс. — в Северную Осетию⁹. Но если в Северной Осетии лагеря для размещения беженцев уже давно закрыты и большинство осетин вернулись в места доконфликтного проживания, то в Грузии ситуация гораздо сложнее.

После начала деятельности миссии наблюдателей ЕС домой смогли вернуться лишь жители приграничных населенных пунктов. У беженцев-грузин, живших в Южной Осетии, такой возможности нет. Грузинские села в республике практически полностью разрушены и сожжены. В результате на территории Грузии оказались тысячи людей, лишившихся крова. До сих пор не восстановлена инфраструктура ряда грузинских городов; большинство беженцев и перемещенных лиц не имеют работы, даже временной. Требуют восстановления некоторые разрушенные производства, военные объекты, заповедники. Небольшому грузинскому государству будет непросто справиться с грузом вставших перед ним проблем.

Одной из сложнейших среди этих проблем является психологическая реабилитация жертв конфликта и их родственников. По всей видимости, нынешнему поколению грузинских беженцев придется смириться с невозможностью возвращения в места своего прежнего проживания. Остро стоит и вопрос об оказании гуманитарной помощи тем гражданам Грузии, которые остались в Гальском районе Абхазии и Кодорском ущелье, находящихся вне зоны контроля грузинских властей.

Однако новое положение Грузии открывает перед ней и ряд новых возможностей. Прежде всего речь идет о возможности достаточно быстрой модернизации страны после окончания первичной стадии постконфликтного восстановления. Финансовые вливания из-за рубежа позволят ей осуществить реструктуризацию и перестройку экономики, создать новые рабочие места, повысить устойчивость финансовой системы.

¹⁰ [http://
www.lenta.ru/news/
2008/10/22/
recovery/](http://www.lenta.ru/news/2008/10/22/recovery/).

Западные страны собираются выделить Грузии, пострадавшей в результате вооруженного конфликта, порядка 4,55 млрд. долларов. Предполагается, что около 3,7 млрд. будет выделено на государственном уровне и еще 850 млн. составят инвестиции из частного сектора¹⁰. Для такой страны, как Грузии, это очень значительная сумма, способная оказать реальное влияние на развитие экономики. Но чтобы финансовые средства использовались по назначению, необходим контроль со стороны международного сообщества, а также грузинской общественности.

Благодаря стратегически выгодному положению страны на Южном Кавказе большое значение для ее экономики и бюджета имеет

транзит энергоресурсов. США уже взяли на себя обязательства по обеспечению бесперебойного функционирования энергокоридора на территории Грузии и финансированию развития соответствующей инфраструктуры.

Модернизация Грузии немыслима без политических преобразований. Речь идет о демократизации политической системы, обеспечении населения альтернативной политической информацией, развитии парламентаризма и общественном контроле над избирательными кампаниями. Власти Грузии уже заявили о своем намерении создать на телевидении политический канал; предполагается, что значительная часть эфирного времени там будет отдана представителям оппозиции. Показательно также, что парламент страны сейчас проводит собственное расследование действий высших должностных лиц государства во время августовских событий 2008 г. В большинстве постсоветских стран подобное расследование было бы в принципе невозможно. Но проблем в этой сфере остается еще немало.

Необходимым условием экономической и политической модернизации Грузии является внешняя безопасность. Между тем вероятность того, что страна в обозримом будущем будет принята в НАТО или хотя бы получит ПДЧ, не очень велика, прежде всего из-за позиции Франции и отчасти Германии, а имеющиеся на сегодняшний день международные программы поддержания мира в регионе, в том числе турецкая «Платформа стабильности на Кавказе», едва ли реалистичны. В этой ситуации в роли гаранта безопасности Грузии способны выступить только Соединенные Штаты. Одним из вариантов может стать военный протекторат США (по образцу Тайваня), который полностью исключит возможность повторения августовских событий (американо-российских столкновений не допустят сами великие державы). По некоторым данным, на территории Грузии (в частности, в Батумском порту) планируется разместить американские военные базы — в противовес базам, которые строятся Россией в Абхазии и Южной Осетии.

Гарантии со стороны США позволяют Грузии не восстанавливать свои вооруженные силы в прежнем объеме¹¹, избавив ее от необходимости тратить огромные средства на развитие военной инфраструктуры. Стране не нужна большая армия. Учитывая размещение в мятежных регионах российских воинских континентов, она едва ли может надеяться на силовое решение проблемы территориальной целостности. И поскольку, как справедливо заметил известный грузинский политолог И.Цинцадзе, «нет прецедента в мировой истории, когда в кровопролитной войне страна теряет территорию и потом мирным путем ее возвращает»¹², Грузии, по-видимому, придется постепенно смириться с утратой Абхазии и Южной Осетии. Возможно, этот опыт заставит ее понять, что поддерживать свою территориальную целостность следует исключительно мирными средствами.

Развитие посткоммунистической Грузии постоянно происходило в экстремальном режиме. На протяжении почти двух десятилетий для

¹¹ Известно, что после победы «революции роз» в Грузии была создана десятилетняя регулярная армия, не считая резервистов, а силы МВД переподчинены военному командованию (см. Маргания 2007: 279).

¹² Интервью 2008.

нее были характерны нестабильность, политические перевороты, оспаривание результатов выборов, терроризм, этнические вооруженные конфликты, внутригражданское противостояние, покушения на политических лидеров и т.п. На постсоветском пространстве нет, пожалуй, такого государства, где на долю населения выпали бы большие испытания. Грузия заслужила стабильное и устойчивое развитие, однако существуют разнообразные риски, которые в очередной раз могут прервать процесс ускоренной модернизации и вовлечь страну в новую волну хаоса.

**Риски
постконфликтного
развития**

Постконфликтные преобразования в Грузии сопряжены с рядом политических, экономических и социальных рисков. Особую тревогу в грузинском обществе сегодня вызывает риск утраты государственной независимости, однако имеются и другие, не менее серьезные (масштабный социально-экономический кризис, новый виток политической нестабильности, эскалация межэтнической напряженности и т.д.). Рассмотрим эти риски подробнее.

Современная Грузия не интегрирована в структуры западного мира (в частности, в НАТО и Евросоюз) и при этом полностью вышла из сферы влияния России. Понятно, что подобное «зависание» между центрами силы не может не вносить в поведение Грузии элемент нестабильности. Страна, включенная в НАТО, представляла бы для союзников России гораздо меньшую опасность, но Российская Федерация категорически этому противится, хотя и не возражает против вступления Грузии в ЕС (что, впрочем, едва ли реально в обозримом будущем).

Судя по всему, в качестве партнера и союзника Грузия потеряна Россией на многие десятилетия. Вектор устремлений элитных группировок и населения Грузии направлен на сотрудничество с Западом, на вступление в НАТО и Европейский Союз. Ситуация на Южном Кавказе по некоторым параметрам уже напоминает ближневосточный конфликт, только в роли «увязшего в проблеме посредника» здесь выступает РФ. Исторические и культурные связи между Россией и Грузией, несмотря на всю их значимость, в настоящее время никак не влияют на политические отношения между двумя странами, обеспечивая лишь благоприятный фон для поддержания гуманитарных контактов.

Вопреки заявлениям американской разведки, вероятность повторной военной операции России на территории Грузии крайне мала. Мировой финансовый кризис повысил заинтересованность РФ в укреплении партнерских отношений с Европейским Союзом, США и другими странами, прямо или косвенно осудившими ее действия в августе 2008 г. Возобновление силовых операций на Южном Кавказе может больно ударить по российской экономике, которая во многом зависит от зарубежных инвестиций и экспорта нефти. Нестабильность на Южном Кавказе невыгодна России и с точки зрения ее энергетической политики. Вооруженное противостояние в регионе может возобновиться

только в случае попыток Грузии силой вернуть себе отделившиеся территории, что, учитывая состояние грузинской армии, маловероятно.

Представляется, что, несмотря на косовский прецедент и признание Россией суверенитета Абхазии и Южной Осетии, система международного права в ближайшие годы изменится незначительно. Для выработки новых подходов время не пришло; ввиду сегментации и разноплановости интересов акторов мировой политики компромисс, который устроил бы большинство государств и международных организаций, похоже, удастся найти еще не скоро. Поэтому принцип территориальной целостности сохранит свое приоритетное значение в международном праве, а принцип самоопределения по-прежнему будет применяться сугубо избирательно.

В настоящее время существуют две модели развития «государства потерянных территорий» — сербская и кипрская. Сербия, утратившая контроль над Косово еще в 1999 г., фактически обменяла край на потенциальное членство в ЕС (хотя внутрисербский политический раскол по косовской проблеме будет определять жизнь этой страны на протяжении как минимум нескольких десятилетий). На Кипре набирает силу противоположная тенденция. Европейская интеграция постепенно создает условия для более интенсивного переговорного процесса, направленного на урегулирование противоречий между греческой и турецкой общинами и последующего их объединения.

Ситуация в Грузии отличается от сербской — ведь если суверенитет Косово признали уже 50 государств мира, то Абхазия и Южная Осетия, получив поддержку от России, даже в перспективе могут рассчитывать на признание лишь со стороны нескольких периферийных государств. Ведущие европейские страны, США, Китай, Индия, Бразилия, а также влиятельные международные организации их не признают. Вместе с тем не вызывает сомнений, что характерные для кипрской модели интегративные тенденции в грузинском случае если и появятся, то еще очень нескоро. Грузинское «государство потерянных территорий» будет развиваться по некоей третьей модели, параметры которой будут зависеть от того, в какой степени ему удастся справиться с экономическими, политическими и иными рисками.

Экономические риски Грузии довольно значительны. Как говорилось выше, стране приходится решать множество проблем, связанных с расселением и трудоустройством беженцев, восстановлением разрушенных в августе 2008 г. объектов народного хозяйства и жилья. Между тем она уже испытывает на себе негативные последствия мирового финансового кризиса, хотя пока его влияние на грузинскую экономику не очень существенно. Уменьшился и, скорее всего, будет уменьшаться и дальше объем средств, поступающих в Грузию от ее граждан, живущих в России. Но самая серьезная опасность заключается в том, что в условиях финансового кризиса и рецессии экономики Европейский Союз и США могут сократить свою помощь Грузии. Зависимость страны от финансовых вливаний из-за рубежа чрезвычайно велика.

В последние месяцы заметно возрос и риск очередного витка политической нестабильности в стране. Режим М.Саакашвили стремительно теряет поддержку. Однако, несмотря на всем известные авторитарные наклонности грузинского президента, угроза выхода оппозиции за конституционное поле и, тем более, государственного переворота крайне мала.

Еще один риск связан с потенциальным обострением межэтнических противоречий. В Грузии имеются достаточно большие, по меркам этой страны, общины азербайджанцев, армян, осетин, русских. Неоднородны и сами грузины: аджарцы, мегрелы, сваны представляют собой особые субэтнические группы с собственными идентичностями. Далеко не все проблемы данных групп решены. Вместе с тем грузинские элиты, похоже, осознали, чем чреват этнократизм. В настоящее время в стране проводится политика, направленная на сплочение всего грузинского общества. Одновременно предпринимаются меры, призванные продемонстрировать внимание государства к нуждам этнических групп. Особенно примечательно в этом плане выделение значительных средств из бюджета для повышения уровня жизни осетинской общины.

В международных рейтингах рисков показатели Грузии достаточно позитивны для государства, причисляемого к несостоявшимся. Так, по состоянию на сентябрь 2008 г., она занимала 88-е место в мире по степени инвестиционной привлекательности (против 144-го в 2005 г.), 51-е — по эффективности правительства и 22-е — по уровню политической стабильности¹³.

Таким образом, риски, с которыми сталкивается современная Грузия, хотя и довольно значительны, не носят катастрофического характера. Это позволяет надеяться, что грузинское государство постепенно преодолеет свою «несостоятельность».

¹³ <http://www.apsny.ge/2008/conf/1226598083.php>.

Грузия и Россия: постконфликтное взаимодействие

Постоянные взаимные обвинения, отсутствие прямых контактов между политиками и дипломатами, практически полное свертывание экономического взаимодействия — такова реальность современных грузино-российских отношений. После августовского конфликта 2008 г. политическое поле, на котором потенциально мог бы развернуться диалог между этими странами, значительно сузилось. Россия, признавшая суверенитет мятежных территорий, не откажется от своего решения, Грузия же никогда не согласится с установленным Россией status quo.

Конечно, нормализации отношений между двумя государствами нет альтернативы. Это — в интересах обеих стран. В перспективе Грузию и Россию могут подтолкнуть к сотрудничеству проблемы региональной безопасности, общие вызовы и угрозы, необходимость объединения усилий в борьбе против исламских радикальных движений, транзита наркотиков, терроризма и т.п. Однако на сегодняшний день диалог между ними возможен преимущественно по конкретным вопросам, касающимся людей, ставших заложниками кризиса. Первое направление,

по которому необходимо сотрудничать, — это возвращение беженцев и перемещенных лиц, второе — защита прав россиян, находящихся в Грузии, и грузин, проживающих в России. Как уже говорилось, руководство Грузии прилагает немало усилий, чтобы этнические меньшинства, в том числе и русская община, не чувствовали себя ущемленными. В свою очередь, в России были приняты жесткие меры, призванные не допустить дискриминации грузин.

Практическое полное отсутствие контактов на государственном уровне отчасти может быть компенсировано активным взаимодействием общественных структур. Немаловажную роль в этом процессе играет диалог между Грузинской и Русской православными церквями, который не прерывался даже во время конфликта. Поддержанию этого диалога в немалой степени способствовала взвешенная позиция Священного синода РПЦ, который отказался принять под свою юрисдикцию Абхазскую и Осетинскую православные церкви, выразившие желание выйти из состава Грузинской православной церкви. В настоящее время Грузинская и Русская православные церкви сосредоточили свое внимание на миротворческой деятельности на Южном Кавказе, оказании гуманитарной помощи беженцам и перемещенным лицам, вне зависимости от их этнической принадлежности.

* * *

Подводя итоги, можно выделить три основных сценария развития Грузии в ближайшей перспективе — «негативный», «позитивный», «промежуточный».

«Негативный» сценарий связан с возобновлением военного конфликта между Грузией, с одной стороны, и Абхазией, Южной Осетией и Россией — с другой. Его реализация чревата утратой Грузией своей независимости, вооруженным гражданским противостоянием и экономическим коллапсом. Новый виток противоборства заблокирует финансовую, организационную и гуманитарную помощь из-за рубежа, уничтожит результаты постконфликтного восстановления и поставит под вопрос само существование грузинской государственности. При таком развитии событий Грузия, по сути, обречена на роль несостоявшегося государства.

«Позитивный» сценарий предполагает радикальную демократизацию политической и общественной жизни, интенсивное экономическое развитие, создание эффективной системы безопасности посредством вступления в НАТО, постепенное мирное восстановление территориальной целостности. Данный сценарий представляется наименее реалистичным, особенно в части мирного возвращения отколовшихся территорий.

«Промежуточный» сценарий означает постепенный экономический рост под контролем зарубежных спонсоров и демократизацию существующего режима (создание оппозиционных СМИ, прекращение

гонений на оппозицию, повышение прозрачности выборов). В частности, речь идет о достижении самостоятельности в энергетической сфере, нахождении новых рынков сбыта сельскохозяйственной продукции и создании небольших промышленных и торговых предприятий, которые позволят увеличить число рабочих мест. Возможно восстановление и расширение энергокоридора, проходящего по территории Грузии, а также совместные проекты с ЕС, способствующие частичной европейской интеграции. В рамках этого сценария безопасность будет достигаться за счет протектората США в военной сфере и модернизации сокращенной армии. При сохранении «риторики войны» для внутреннего пользования грузинский истеблишмент откажется от силовых действий по отношению к потерянным территориям. Будут созданы условия для психологической реабилитации беженцев и адаптации их новым реалиям (трудоустройство, предоставление жилья, гуманитарная помощь и т.д.).

На сегодняшний день наибольшими шансами на реализацию обладает именно третий сценарий, однако дальнейший ход событий может внести в него серьезные коррективы.

Библиография

Баракат С. 1998. Зоны конфликтов в современных городах // *Эра городов*. Вып. 5. № 4.

Грузинская военная авантюра и российское посредничество в Цхинвале дают осечку. Интервью с доктором политических наук Н.П.Медведевым. 2008 // *Актуальные интервью*. № 2.

Интервью с политологом И.Цинцадзе. 2008 // *Власть*. № 4.

Кулиев В. 2007. *Экономика современного Азербайджана. Аналитический обзор*. — Саратов.

Маргания О.Л. (ред.) 2007. *СССР после распада*. — СПб.

Третий Крым. Хотят ли русские войны за полуостров. 2008 // *Власть*. № 38.

Failed States Index 2005 (http://www.foreignpolicy.com/story/cms.php?story_id=3420).

Hill R. 1996. Post-War Reconstruction in the Post Cold-War Era — Observations of a Practitioner // *Urban Triumph or Urban Disaster: Dilemmas of Contemporary Post-War Reconstruction*. — Cambridge (Mass.).

Hurtic Z., Sapcanin A., Woodward S.L. 2000. Bosnia and Herzegovina // Forman S., Patrick S. (eds.) *Good Intentions: Pledges of Aid for Postconflict Recovery*. — Boulder, L.

Pugh M. (ed.) 2008. *Regeneration of War-Torn Societies*. — L.